

ИСТОКИ СОДРУЖЕСТВА

Сов. Хаксия. 1991. — 16 мая

Более двадцати лет назад известный хакасский ученый Яков Иванович Сунчугов опубликовал статью «Об участии профессора Н. Ф. Катанова в деятельности Минусинского музея» [Ученые записки ХАКНИИЯЛИ, вып. XIII, 1969 г.]. Это сообщение до сих пор остается самым значительным на эту тему. Однако сам автор отмечал, что не претендует на полное исследование многогранной деятельности Н. Ф. Катанова в пользу Минусинского музея и надеялся на новые поиски и исследования.

Яков Иванович в своей работе опирался на десять тогда еще неизвестных писем Н. Ф. Катанова, адресованных основателю музея Николаю Михайловичу Мартыанову. Но в архивах почтовых отправления оказалось больше. Мною обнаружены еще тридцать два. Теперь можно несколько пополнить указанную публикацию, прибегая к другим малоизвестным источникам. Только пополнить, ибо не найдены письма как Н. М. Мартыанова, так и его сподвижников. Итак, с чего все началось!

20 января 1886 года студент Петербургского университета Николай Катанов написал письмо многоуважаемому Н. М. Мартыанову из столицы в Минусинск (Арх. Мин. муз., оп. 1, д. 36, лл. 89—90). В корреспонденции автор назвал себя старым знакомым. И на это он имел полное право. Вот почему.

Николай Федорович в ранней юности в 1867—1876 годах жил в селе Аскиз, тогдашнем центре Степной (Сагайской или Аскизской) думы, подведомственной Минусинскому округу. Город Минусинск в то время являлся довольно крупным населенным пунктом Енисейской губернии.

Во второй половине прошлого столетия Минусинск стал играть роль и культурного центра. Здесь начали работать городское и реальное училища, женская прогимназия. И, наконец, 18 июня 1877 года официально стал функционировать местный публичный музей, который вскоре стал достопримечательностью всего округа и гордостью минусинцев.

Своим открытием и становлением культурно-просветительное учреждение обязано прибывшему сюда в 1874 году Николаю Михайловичу Мартыанову (1844—1904 гг.). Об этом незаурядном человеке имеется литература, хоть и явно недостаточная.

В аскизский период жизни Николай Катанов познакомился как с самим Н. М. Мартыановым, так и с семью его детьми, а также с некоторыми его сподвижниками.

Юноша жил в доме богатого дяди Ефима Семеновича Катанова, писемоводителя думы и учителя местной школы, который частенько бывал в окружном городе. Более того, его смысленному племяннику благоволил управляющий резиденцией золотопромышленника Петра Ивановича Кузнецова — разносторонне развитый Иннокентий Иванович Каратанов.

Оба они не только поддерживали минусинского провизора, но и оказывали ему материальную помощь. Есть сведения, что Николай Михайлович Мартыанов бывал в Аскизе во время своих поездок по округу.

Николай Катанов мог и сам побывать в Минусинске, ведь в те годы он работал писарем в Аскизской думе по тем или иным служебным делам (1872—1876 гг.).

В 1876—1884 годах будущий профессор Казанского университета учился в Красноярской гимназии. Он общался с семьей зо-

лотопромышленников Кузнецовых, особенно с Иннокентием Петровичем, занимавшимся исследованием истории коренных жителей. При таких встречах так или иначе речь заходила о Минусинском музее.

С делами и экспонатами просветительного учреждения гимназист ближе ознакомился в каждый свой приезд на родину в летние каникулы. В поездках он непременно следовал через Минусинск, бывал в Воскресенском соборе, на базарной площади, заходил в аптеку и посещал музей.

Музей существовал в основном за счет пожертвований обществу и прямого безвозмездного участия отдельных энтузиастов. В том же 1881 году личные взносы составили 1013 рублей, что позволило купить на значительную сумму мебель и учебные пособия.

Встречаясь с Николаем Михайловичем Мартыановым, гимназист принимал от него заказы по сбору предметов для музея. Сибирский художник Дмитрий Иннокентьевич Каратанов — сын заведующего аскизской кузнецовской резиденцией, рассказывает, что вместе с Николаем Каратановым, его учителем арфметики и русского языка, после уроков «часто уходил в степь искать где-нибудь на размывах реки на местах воображаемых сражений сагайского народа с войсками Чингис-хана», медные наконечники стрел и всякую другую историческую мелочь.

Сколько было собрано «древностей» красноярским гимназистом и его друзьями — трудно сказать. А вот активное участие жителей Аскизской думы в этом деле можно подтвердить некоторыми цифрами. В 1886 году вышла книга «Древности Минусинского музея», изданная на средства уже упомянутого Иннокентия Петровича Кузнецова. Ее автор Дмитрий Александрович Клеменц (1848—1914 гг.) — народник, посланный в Сибирь за свою революционную деятельность. Привлеченный к музейному делу Николаем Михайловичем Мартыановым, он совершил экспедицию в Кузнецкий Алатау и Западные Саяны, собрав существенный материал по географии, геологии и этнографии. Кстати, именно в это время — в конце августа 1963 года он встречался в Аскизе с Николаем Федоровичем Катановым и приглашал его быть переводчиком в путешествии, но тот не принял участия лишь по при-

чине своего отъезда на учебу в гимназию.

Вот почему в своем письме от 20 января 1886 года основателю и распределителю Минусинского публичного музея столичный студент Николай Катанов назвал себя старым знакомым. В последний раз он встречался с Н. М. Мартыановым летом 1884 года, когда приезжал из Красноярска в Аскиз оформить недостающие документы для поступления в высшее учебное заведение. Так, билет об увольнении с приметами (паспорт) ему был выдан Аскизской думой 4 июля.

Обращаясь к Николаю Михайловичу, автор разбираемого письма сообщал: «Если Вы не забыли его (старого знакомого) и интересуетесь его судьбой, то он так изложит ее кратко. Я приехал сюда, получил стипендию и урок, поступил на Восточный факультет и занялся изучением языков: арабского, персидского, турецкого и его наречий. Экзамен сдал, благодаря Богу, на отлично, за что получил прибавку к стипендии Министерства народного образования».

Значит, Николай Михайлович знал, куда поехал его «старый знакомый» — именно в Петербург. Был осведомлен и о том, где решил учиться — в университете — и на какие средства. Однако студент умолчал о тех трудностях, с которыми встретился в столице, как пришлось их преодолевать.

Николай Катанов приехал в Петербург на скопленные деньги в годы учебы в Красноярске и в летние каникулы в Аскизе. В свободные часы, а их было в обрез (делались фольклорные записки, составлялась сагайская грамматика), гимназист переводил молитвы с греческого для енисейского епископа, давал уроки французского языка будущей владелице Черногорских копей А. и. Валандиной и русского — будущему заслуженному деятелю искусства Д. И. Каратанову. Стипендия была назначена лишь после присылки свидетельства красноярского полицеймейстера о том, что «не имеет никаких родственников, которые могли бы оказать ему материальную помощь».

А что значила стипендия в размере восьми рублей для студента, нуждающегося в квартире, одежде, книгах? По свидетельству дочери Анны, ее отец в тот период «одевал один раз в неделю по воскресеньям, а в остальные дни довольствовался чаем с грошевыми булками-разяничками».

«Кроме университетских предметов, — сообщает в том же письме петербургский студент, — я один изучаю еще другие языки из урало-алтайских под руководством одного академика».

Кто же являлся этим академиком? О нем нам известно из самой автобиографии Н. Ф. Катанова, где он писал: «В бытность студентом изучал частным образом, на дому, в 1885—1886 гг. общетюркскую фонетику у академика В. В. Радлова».

О благотворном влиянии выдающегося востоковеда на жизнь и научную деятельность не одна-

жды указывал Николай Федорович. Радлов был не только крупным ученым с мировым именем, но и человеком большой души, помогавшим всем, одаренным и способным, нуждавшимся в знаниях и средствах. Чем же привлёк его студент с далекой окраины России да еще инородец?

Прежде всего следует отметить, что Василий Васильевич в свое время — в 1863 году — с научными целями был на родине приглашенного ему студента и даже в самом Аскизе, где записывал народные сказания и изучал захоронения. Часть из этих исследований к тому времени была уже издана, Николай Катанов выделялся среди студентов и другим. Несколько позже Василий Васильевич расскажет: «Из слов профессоров его и из собственных наблюдений я убедился в его усердии, способностях, преданности науке и знаниях его по избранным предметам».

Академик В. В. Радлов, директорствовавший в Азиатском музее Академии наук, не преподавал в университете. С ним Николай Катанов познакомился на «ядринцевских четвергах».

Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894 гг.) — ученый и писатель — после многолетних мытарств, в том числе и ссылки, при содействии друзей в 1882 году в Петербурге основал газету «Восточное обозрение». Как сообщалось в первом номере, она намеревалась «дать по возможности правдивую картину жизни Востока в ее многообразных проявлениях». Вышла газета первого апреля в четверг. По этим дням она распространялась и в дальнейшем, которые стали выходными для издателя. И в эти дни на квартире Николая Михайловича и Аделаиды Федоровны Ядринцевых собирались ученые и студенты.

На «четверги» Николай Катанов, по-видимому, попал через «Оощество содействия учащимся в Петербурге». Одним из инициаторов этого общества был Н. М. Ядринцев, а затем стал его руководителем.

Возможно, на «четверги» студента-инородца привел известный путешественник, публицист и фольклорист Григорий Николаевич Потанин (1835—1920 гг.). Дело в том, что с этим замечательным человеком Николай Катанов познакомился еще будучи красноярским гимназистом. Тогда же, в 1881 году, он послал сибирскому исследователю в Петербург одну из своих первых работ «Описание шаманского рубна и костюма сагайского племени». И представьте себе, Григорий Николаевич издал ее в выпускаемых им «Очерках Северо-Западной Монголии» (т. 4, 1883 г.).

«Ядринские четверги» сыграли значительную роль в судьбе будущего профессора Казанского университета. Об этом он писал впоследствии: «Н. М. Ядринцев вдохновлял меня к исследованию быта и истории инородцев, Г. Н. Потанин — к запискам произведений народного творчества по строго определенной системе с целью выяснения общих мотивов и черт замствования;

наконец, В. В. Радлов направлял меня к точной записи произведений словесности с целью определения особенностей разных наречий и языков».

Но «четверги» сыграли и еще одну роль в жизни Николая Катанова. Они возбудили в нем непоколебимый интерес к Минусинскому музею и, можно сказать, положили начало содружеству с Николаем Михайловичем Мартыановым. Об этом свидетельствует то же самое письмо от 20 января 1886 года. Цитирую.

«Господин Ядринцев говорил мне, что скоро выйдет в свет «Каталог (вашего) музея». Так как я еще не забыл своего края и продолжал интересоваться им, то не будете ли настолько добры, многоуважаемый Николай Михайлович, прислать мне по одному экземпляру как прежнего издания, так и предстоящего. Если пересылка будет сопряжена с расходами, то расходы я принимаю на себя, тотчас по получении каталогов. Прислав их, премного обяжете меня, Вашего старого знакомого».

В ДЕКАБРЕ 1881 года в Томске была выпущена книжечка под названием «Минусинский публичный музей. Каталог и краткое описание. Составленный членом комитета, заведующим Н. М. Мартыановым». Как видно, студент Петербургского университета не имел указанного «Каталога». Нужна была ему и готовившаяся к изданию книга «Десятилетие Минусинского музея» Александра Осиповича Лукашевича (Томск, 1887).

К тому времени Николай Катанов, благодаря таким ученым, как В. В. Радлов, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин, вплотную занялся научной деятельностью, продолжая успешно учебу в университете. В 1885 году он издал отдельными тиражами две богатые поэмы минусинских татар, по-современному, какос с примечаниями к ним. Кстати эти первые труды до сих пор хранятся в библиотеке музея в автографом: «Глубокоуважаемому Николаю Михайловичу Мартыанову».

Поэмы были записаны на мецком языке финским ученым Матвеем Александровичем Кастреном (1813—1852 гг.) во время его путешествия по Минусинскому округу в 1847 году. Кстати, он прожил целую неделю в Аскизе, занимаясь раскопками древних захоронений. Николай Катанов перевел их на русский язык и, как сказал, «неправильно записанные по-немецки собственные имена исправил согласно татарскому выговору».

Вот почему «старый знакомый» писал дальше Н. М. Мартыанову «В перспективе лежит ученая карьера. Вот все, что могу сказать о себе. Кроме сего, я изучаю наши былинны и составляю библиографию сведений о наших инородцах, что писано о них очень много, но эти сведения разбросаны по книгам, газетам и журналам. Теперь я занят приведением в известность этих сведений и уже довел дело до половины».

А. БОНДАЧЕВ,
ветеран труда, краевед.
С. Аскиз.

(Продолжение следует).

ИСТОКИ СОДРУЖЕСТВА

[Окончание.

Начало в №№ 111—112, 115].

НИКОЛАЙ Катанов начал «аккумулировать плоды» своего образования и в прямом смысле. Достаточно сказать, что его письмо написано «на фирменном бланке» типографским способом, словно на визитной карточке. А вообще-то он был очень скромным по натуре человеком, но несколько окрепший материально, занял такую «визитку» по столичному этикету других знатных лиц. Ну что ж, начинающему ученому, да еще «инородцу», такой престиж нужен был. И не удивительно, он старался быть прилично одетым, причем, экономя деньги на еде, извозчике и самом бережном хранении своих вещей и одежды.

Тут стоит остановиться на еще одной цитате из его письма. «Наши минусинские студенты все почти, как я знаю, страшно бедствуют. Красноярских — выслали вон, да и также иркутские не миновали внимания усиленной охраны».

Со временем можно будет назвать этих «высланных вон». А пока о другом. Такой участи мог бы не избежать и сам Николай Катанов, если бы хоть в чем-то был заподозрен, хотя и находился под полицейским надзором. Но он с головой уходил в учение и все силы тратил на постижение высот наук. Остерегались от и своего нерусского происхождения. Только с этой точки зрения надо рассмотреть его подписку полицейским властям. Вот она эта подписка студента Петербургского уни-

верситета Николая Федоровича Катанова.

«В 1887 году, августа 26 дня. Я, подписавшийся, даю свою подписку о том, что во время своего пребывания в числе студентов или слушателей императорского Санкт-Петербургского университета, обязуюсь не только не принадлежать ни к какому тайному обществу, но даже без разрешения на то властей и в каждом отдельном случае ближайшего начальства не вступать и в дозволенные законом общества, а также не участвовать ни в каком денежном сборе...»

Эта подписка после кончины профессора Казанского университета вызвала различные кривотолки, вплоть до обвинения его в «монархизме». А последнее сказалося на длительной опале изучения наследия выдающегося ученого. Но вся «каполитичность» Николая Федоровича отвергается одним лишь примером его сотрудничества с Минусинским музеем, где работали десятки политических, которым он оказывал содействие хотя бы на уровне просвещения...

Свое письмо петербургский студент заканчивал вопросами к Николаю Михайловичу: «Получили ли Ваши сограждане на учреждение прогимназии? Скоро ли приедет Клеменц? Где теперь А. И. Рыжов?»

Заданные вопросы явствуют, что Николай Катанов, будучи да-

леко от Минусинска, хотел быть в курсе многих дел самого музея и судьбы его сотрудников.

Интересен первый вопрос о прогимназии, имеется в виду женской. Такое учебное заведение в Минусинске было открыто в 1880 году на базе женского класса городского училища. У истоков прогимназии стоял его учитель Тимофей Алексеевич Сайлотов, отец которого был приписан к Аскизской думе. Первой начальницей стала Елизавета Николаевна Зверева, вышедшая замуж в 1886 году за Д. А. Клеменца.

Прогимназия поначалу существовала на благотворительные средства, поскольку несостоятельные ученицы освобождались от оплаты за обучение. Затем часть расходов взяла на себя Минусинская управа. Этим и интересовался Николай Катанов. Дело в том, что в прогимназии училась его двоюродная сестра Мария—дочь дяди, Ефима Семёновича Катанова, имевшая к этому времени бедную родительскую поддержку. С 1886 года в прогимназии стала заниматься воспитанница дяди Александра Тихоновна — будущая жена самого Николая Катанова.

Возможно, молодые люди имели между собой переписку, однако где она! Но вот известно, что в свой первый приезд на родину после окончания универ-

ситетского курса, Н. Ф. Катанов посетил прогимназию, интересовался учебным процессом и даже бытом учениц.

А теперь о другом вопросе петербургского студента. Осенью 1886 года молодые супруги Клеменцы переехали в Томск. Дмитрий Александрович настолько увлекся археологией, что решил заняться раскопками и сбором «древностей» самостоятельно по поручению какого-либо авторитетного учреждения или общества. Таких прав Минусинский музей не имел. И все надежды бывший ссыльный — его поселение в Минусинске уже закончилось — возлагал на Томск, где находился Западно-Сибирское отделение географического общества и многие доброжелатели новых исследований в Сибири.

Но в губернском городе не все сложилось так, как надеялся новый восходящий ученый. Поначалу пришлось перебиваться случайными заработками: гонорарами за статьи и уроки. Как он сам признавался: «...мало остается на прожитие, а денег нужно, не голодом же морить молодую жену, а она когда еще найдет себе занятие».

Елизавета Николаевна получила образование воспитательницы при Казанском университете. Затем, после смерти отца, переехала в Красноярск к своей родственнице и дала частные уроки. Была губернанткой в Томс-

ке у губернатора. Скопила немного денег, поехала в Петербург на Бестужевские курсы, а после них была приглашена в Минусинск, где в 1884 году стала начальницей женской прогимназии.

В окружном городе Елизавета Николаевна приобщилась к музею, помогала ему книгами и неоплачиваемой работой по сбору и описанию коллекции. Выйдя замуж, приняла личное участие в научной деятельности Дмитрия Александровича. 29 мая 1887 года произнесла зажигательную речь при закладке нового специального здания музея. А затем вместе с мужем отправилась в экспедицию в Урянхайский край.

Вообще Елизавета Николаевна станет первой помощницей Дмитрию Александровичу. Об этой удивительной женщине будет высоко отзываться ставший профессором Николай Федорович Катанов.

В письме Н. М. Мартынову петербургский студент спрашивал о художнике А. И. Рыжове. Последний тоже активно сотрудничал с музеем. Его картины еще в 1880 году были выставлены в экспозициях. Это были увеличенные копии с 12 снимков из сочинений Унгера «Первобытный мир». О них А. О. Лукашевич писал: «На первых порах, когда было еще немного интересных предметов, гипотетические ланд-

шафты, переносившие в трудно поддававшийся воображению примитивный мир, действительно должны были производить известный эффект рядом с яркими представителями современной фауны (чучела птиц), богатую уже коллекцией горных пород, действующих однообразно на зрение...»

К описываемому времени музей стал настоящим очагом культуры. Его посещали и у него просили помощи жители Аскизской думы. Так, например, псаломщик Аскизской (Петропавловской) церкви Василий Виссарионович Барашков в своем письме от 10 марта 1887 года писал: «Будьте любезны, Николай Михайлович, пошлите словарь для перевода по нему татарских слов».

...Итак, на основе двух писем студента Петербургского университета Н. Ф. Катанова, основателю Минусинского публичного музея Николаю Михайловичу Мартынову, я намеревался показать, как возникло содружество двух общественных мужей и сотрудничество их с другими просветителями. Не будет ли все это дополнительным штрихом к портрету самого Николая Федоровича Катанова.

А. БОНДАРЕВ,
ветеран войны и труда,
красевед,

с. Аскиз.